

◀ Офорт «Кремль»
1810-е
Фрагмент
Собрание М.И.Курилко

◀ Etching "The Kremlin"
1810s
Detail
Mikhail Kurilko's collection

Михаил Курилко-Рюмин

Михаил Иванович Курилко История коллекции

Без всякого преувеличения мой отец Михаил Иванович Курилко (1880–1969) был легендарным человеком. За свою долгую жизнь, полную всяческих приключений и перемен, он успел сделать многое, оставив заметный след в искусстве и науке. В прошлом веке его имя звучало достаточно громко, да и сейчас многие вспоминают Михаила Ивановича с теплотой и признательностью.

За свою дипломную работу отец получил золотую медаль Академии художеств и был поощрен поездкой за границу. Созданный им цикл работ, посвященный трудным годам революции, численно скромнен, но уникален по глубине раскрытия трагических коллизий того времени. Придя в театр, Михаил Иванович поставил спектакль-оперу Р.Штрауса «Саломея», который в 1926 году был с успехом перенесен со сцены Мариинского театра в Большой театр, где отец вскоре задумал и оформил балет Р.Глиэра «Красный мак». Балет пользовался всесоюзным успехом, его ставили многие театры страны.

Построенный в Новосибирске по проекту Курилко театр поражал своими масштабами (отец получил ряд патентов на новаторские изобретения). Венчал здание огромный уникальный по конструкции купол, имевший 60 метров в диаметре. Он должен был стать экраном для массовых зрелищ и грандиозных спектаклей. Огромный дворец замысливался как театр будущего, но, к сожалению, он родился слишком рано.

За свою многолетнюю преподавательскую деятельность (отец был профессором Московского архитектурного института, руководил театральнo-декорационной мастерской Московского художественного института имени В.И.Сурикова, мастерской офорта Академии архитектуры СССР) Михаил Иванович Курилко разработал собственную теорию обучения рисунку.

Прекрасно разбираясь в стилях и всех тонкостях определения подлинности произведений искусства, отец собрал небольшую, но уникальную по составу коллекцию старинных предметов. Всегда откровенно от званья «коллекционер», он признавал только

определение «собирающий». Он считал, что быть коллекционером – значит обречь себя на постоянное внимание к чему-то одному, собирать же можно зажигалки, пепельницы, часы, ошейники и т.д. Михаил Иванович приводил в пример одного известного прекрасного балетмейстера, который обрек себя на коллекционирование фарфоровых чайников XVIII–XIX веков. «Боже ты мой, сколько прекрасных сервизов он за свою жизнь разорил, изымая только чайники!» – сокрушался отец. Он признавал и оправдывал собирательство, которое помогает ощутить время, постигнуть красоту той или иной эпохи.

Я сам, работая в театре, старался следовать примеру отца, который по рисунку и строению ножки мог восстановить весь предмет мебели, хорошо разбираясь в стилевых особенностях. Однажды, сидя в шумной и прокуренной чайной, он уронил на пол любимую курительную трубку и, наклонившись чтобы поднять ее, увидел гнутую ножку дивана с завершением в виде упругого копытца. Такие элементы характерны для ножек столов и кресел XVIII–XIX веков. Соскрести ножом

масляную краску, чтобы обнажилось старинное красное дерево, не составило труда. Однако сам обитый замасленным ситцем диван с бесформенными уродливыми боковыми подушками и спинкой напоминал распухшего чудовищного зверя. Подпорки боковину, отец увидел кожаную обивку, усыпанную мелкими латунными гвоздиками. Засунуть вывалившуюся солому обратно в дыру и сторговаться с удивившимся такому предложению хозяином чайной было несложно. Но раскрытие в Петербурге спинки, локотников и «ушей» столь ожидаемых божественных пропорций и самое главное – реставрация подлинной старой кожи потребовали много сил и времени.

На выставке архитектуры, открытой в залах Академии художеств в 1911 году, было представлено немного предметов мебели. В книге, посвященной этой знаменитой экспозиции, в разделе «Петровская эпоха», помещено изображение подобного большого дивана, но обитого поздним штофом и со встроенной подушкой-сиденьем (на той же странице – уникальное кожаное кресло с вкладной кожаной подушкой. Все –

Mikhail Ivanovich Kurilko and the History of His Collection

It would not be an overstatement to say that my father Mikhail Ivanovich Kurilko (1880-1969) was a legendary person. Over the course of his long life full of various adventures and reversals of fortune he accomplished a great deal. And most essentially, although in terms of pure numbers his achievements in different fields of knowledge, art and science look fairly modest, the mark he left in each is tangible; his name was quite famous in the last century, and many gratefully remember him to this day.

His graduation work at the Academy of Fine Arts gained him a Gold Medal and an international travel fellowship. His series of works themed on the ordeals of the period around the Bolshevik revolution, too, comprises only a few pieces, but they are unique in terms of artistic insights into the tragic collisions of the time. Stage-wise, Mikhail Kurilko produced at the Mariinsky Theatre Richard Strauss's "Salome", and repeated this production,

Офорт «Кремль»
1810-е
64 × 88
Собрание М.И.Курилко

Etching "The Kremlin"
1810s
64 × 88 cm
Mikhail Kurilko's collection

Жалованная грамота
Д.Курилка. 1788
Гравиора
на пергаменте
Собрание М.И.Курилко

Charter Granted
to Danil Kurilka. 1788
Etching on parchment
Mikhail Kurilko's collection

to great acclaim, in 1926 at the Bolshoi Theatre; also at the Bolshoi, and at about the same time, he conceived and created a first modern ballet "The Red Poppy", to a score by Reinhold Glière. The production caused a sensation across the nation; many other Soviet theatre companies followed suit and staged the ballet. A theatre building he put up in Novosibirsk astonished with its size (the architect took out several patents on his pioneering inventions). This veritable palace was crowned by the biggest dome you could find anywhere – it had a diameter of 60 meters and, according to the design, should have served as a screen for public outdoor entertainment and big-scale outdoor theatrical productions. That was a theatre of the future which came into being ahead of its time.

Having taught for many years, Kurilko created an original method of teaching drawing skills.

A fine connoisseur of styles and a great expert at distinguishing works of art from frauds, Kurilko put together a small but unique-in-composition collection of antique objects. Forever loath to be called a "collector", my father had only one name for himself: a gatherer. He believed that a collector was a person whose focus was forever confined to one single thing. You could collect lighters, ashtrays, clocks, dog-collars, etc. He would invariably bring up the same example: a very famous and talented choreographer committed himself to collecting porcelain tea-pots of the 18th-19th centuries. "Oh my God, how many fine tea sets he ruined over his life taking out tea-pots alone," my father

would say dolefully. He recognized and defended gathering as a pursuit that empowered an artist to appreciate the time, style, and beauty of any work of a certain time period.

Working in the theatre, I too tried to follow in the suit of my father, who was very knowledgeable about different stylistic trends of different eras, and could figure out how the whole object looked judging only from the design and structure of its leg.

Thus, passing time once in a clamorous and smoke-filled tearoom, he dropped his favourite smoking pipe and, inclining to pick it up, saw a curved leg with a tip shaped as a springy little hoof, typical for furniture style of the 17th-18th centuries. Such hoofed tips were common in tables and armchairs of that era. The remaining spots of oil paint crudely applied to the leg glimmered on the piece made of whole wood. It was not difficult to scratch the paint away with a knife to reveal the old mahogany. But the divan itself looked like a swollen beastly animal: the back-rest, the chintz-lined side cushions were shapelessly ugly with their straw padding. Having made a small slit on the side-frame, my father saw leather upholstery strewn all over with little heads of brass tacks. He had no trouble tucking the loose straw back into the hole and striking a deal with the tearoom owner, who was astonished by the offer. But when the divan was brought to St. Petersburg, it took my father a lot of time and labour to bring back into view the much anticipated divine proportions of the back-rest, arm-pads

and side-rests punctured with tacks, and most essentially, to renovate the authentic antique leather.

An architectural exhibition at the Academy of Fine Arts in 1911 featured several furniture pieces. In a booklet devoted to this celebrated show, a section on furniture of the Peter I period features, on page 89, an image of a similar big divan, albeit with a damask upholstery of later origin and with an embedded seat cushion. The same page has an image of a unique armchair, upholstered with leather and featuring a leather cushion insert. All these items were from Mikhail Gorchakov's collection. Both the Hermitage and the Museum of Peter I's Little House at the Summer Garden contain divans, albeit without an original upholstery. Certainly, preserved leather needs special care. In Paris you can still come across old jars of grease for lubricating the folding leather tops of carriages. Fortunately, we have brown horse-smelling grease – a gift from Paris – to take care of the unique divan.

Yet another unique piece of furniture was discovered by father in a house in one of the old towns of the Russian North. The cabinet was built into a wall, and its Russian Northern origin made one wonder whether it could have once graced the interior of a wrecked ship? The legend might have had an air of mystery and beauty around it, but iron keylocks, hinges and decorative nails in this Western object disprove this suggestion. The entire exterior of the cabinet is adorned with carvings with a mirror-like design, dark veneer

alternating with light, producing a repetitive pattern of dark embossment against light-coloured background succeeding a section with light-coloured embossment against dark background and so on. On top, a date is clearly visible – 1787 – and the schematic representation of an escutcheon is flanked with the Latin letters LCCG.

The panels on the doors are flanked with corrugated golden trimmings and adorned with bicephalous eagles. The cabinet was coated with lacquer, by then much darker than originally. Presently the coat of lacquer has a rich honey colour.

Another unique cabinet, which served as a cupboard in our home, has a very unusual upper part. The painted base

supports the low cookware closet, designed in an old Russian style, with mica panes instead of glass inside the door frames. You can come across low painted cookware closets every now and then, but how many of them have mica instead of glass?! My father passed this cabinet to the Museum of Boyars' Everyday Life (a part of the History Museum), where it is held to this day. By the way, the Museum displays the exhibit without any indication that it was donated.

I would also want to mention another undoubtedly noteworthy piece of furniture. Many museums showcase German and Flemish ironing presses for table linen. The Dutch still-lives feature the radiantly fresh sweet-scented whiteness of tautly

И.Я.БИЛИБИН
Плакат-листочка
1917
30 × 50
Собрание М.И.Курилко

Ivan BILIBIN
Poster. 1917
30 × 50 cm
Mikhail Kurilko's collection

И.Г.МЯСОЕДОВ
Офорт к дипломной
работе. 1913 (?)
47,5 × 59
Собрание М.И.Курилко

Ivan MYASOEDOV
Etching for the
Diploma work. 1913 (?)
47,5 × 59 cm
Mikhail Kurilko's collection

folded and unfolded napkins, towels, table cloths, bed sheets. Prior to being put on display, all these linens, folded and ironed, were stacked in the bottom section of a buffet, under a screw press. This press has an original, unique structure. All the details and the decorative wood laminate on the doors and the flanks were designed by a skilled craftsman. The press was transformed from a household item into a high art object.

The treasures of the collection include chairs supposedly dating to the late 17th-early 18th centuries. They too were found in the Russian North during one of my father's many trips. They have tall straight back-rests; the narrow seat cushions are flanked with embossments; and the seats are semi-soft. All of the carving, emulating Western patterns, is astonishing for a free sweep of the craft. The vertical bars of the back-rests, as well as the top and the stretchers between the legs are made of birch. They were once painted red, and faded traces of the paint are still visible here and there. Only in one of the four chairs are the vertical bars and legs made of oak. Of course, the original upholstery was replaced in the course of a very thorough renovation. The asymmetry and a relaxed design of the embossments lend a special charm to the objects.

The structure of numerous chairs featured in Alexei Zubov's print "Peter I's Wedding" somewhat resemble the structure of my father's chairs. The chairs in the print look very much like the four chairs under discussion. The Russian Culture Department at the Hermitage, too, holds similar chairs.

My father believed that this unusual stool was very old, and he greatly treasured and jealously guarded it. But during the war half of the stool was used as fire wood. The two new legs, their structure, the concave seat lined with a very old Oriental rug call for a careful study, because the extremities of its carved legs made of very hard wood are exact replicas of the seats of thrones featured in icons. And the round cushion with tassels, with its diameter of 20 centimeters, fits the concave seat very well. My father's stage sets for a production of Mussorgsky's opera "Khovanshchina" featured precisely such stools. The lining made of an old rug and the wood provide a very good clue as to the time of origin of this mysterious object.

There is yet another literally and figuratively "sweet-scented" curio, brought by father from one of his trips. The rim of a barrel made of dark dense timber is girded with a carved inscription. It says: "Tsar's gauge from customs office in Byelozersk, and there is a heap of gauge".

Father puzzled out the recondite Old Slavonic carved letters and the meaning of the phrase. The barrel was used to size up a batch of sun-dried whitebait. The barrel was filled up to the brim with the amazing little fish, sweet-scented and dried, and the

из собрания М.К.Горчакова). И в Эрмитаже, и в Летнем дворце Петра I есть подобные диваны, но с поздней обивкой. Сохраненная кожа, конечно, нуждается в особом уходе. На блошином рынке Парижа еще можно встретить старые банки с мазью для ухода за складывающимся каретным тентом. К счастью, у нас сохранился драгоценный парижский подарок – коричневая мазь с конским запахом.

Еще один уникальный предмет мебели – шкаф, вмонтированный в стену – отец нашел на Севере в старинном доме. Происхождение шкафа навело на мысль: не был ли он частью выброшенного морем корабельного интерьера? Легенда, безусловно, загадочно красива, но наличие железных замков, петель и фигурных гвоздей опровергает это предположение. Вся лицевая поверхность шкафа украшена резным рисунком, темный шпон чередуется со светлым. В верхней части ясно читается дата «1787», латинские буквы LCCG фланкируют упрощенное изображение гербового щитка. Филенчатые дверцы обложены флемованными дорожниками и украшены двуглавыми орлами. Шкаф был покрыт сильно потемневшей политурой. Теперь он густого медового цвета.

Другой уникальный шкаф, служивший дома буфетом, имеет совершенно неожиданное завершение. На расписном основании покоится верхняя часть этого напоминающего русский поставец сооружения, имеющего дверцы с пластинками слюды. Расписные поставцы встречаются, но не со слюдой вместо стекла. Поставец сейчас находится в «Палатах в Зарядье» (филиале Государственного Исторического музея), куда передал его еще при жизни отец. Правда, информации о дарственном происхождении вещи в музее нет...

Хотелось бы упомянуть еще один предмет, бесспорно заслуживающий внимания. По музейным собраниям известны немецкие и фламандские прессы для столового белья. Вспомним сверкающие белизной салфетки, полотенца, скатерти, простыни на многочисленных голландских натюрмортах. Сложенные и отглаженные, они обыкновенно покоились в нижней части шкафа, где прессовались при помощи винтового механизма. Именно такой уникальный по своей архитектуре пресс есть в коллекции отца. Во всех деталях, профилях, рисунке набора на дверцах и боковинах чувствуется рука настоящего мастера. Пресс из предмета бытового обихода стал предметом высокого стиля.

Особая гордость собрания Михаила Ивановича – четыре стула конца XVII – начала XVIII века (?) с высокими прямыми спинками, обнаруженные во время одной из многочисленных поездок по Северу. Они несколько похожи по конструкции на стулья, изображенные на гравюре А.Зубова «Свадьба

Н.М.ЧЕРНЫШЕВ
Автопортрет. 1907
Офорт. 17 × 26
Собрание М.И.Курилко

Nikolai CHERNYSHEV
Self-portrait. 1907
Etching
17 × 26 cm
Mikhail Kurilko's collection

Петра I». Подобные стулья стоят также в отделе русской культуры в Эрмитаже. Вся резьба, выполненная по западным образцам, поражает свободой исполнения и придает предметам особое очарование. Вырезанные из березы вертикальные колонки спинок, завершения и проножки были покрашены красной краской, слабые следы которой кое-где сохранились. Только у одного из стульев колонки и ножки дубовые. Обивка, конечно, была заменена в процессе очень основательной реставрации.

Отец ценил и берег один необычный табурет, который он относил кочень ранней эпохе (в годы войны половину

табурета пришлось истопить). Сохранившиеся две ножки, вогнутое сиденье, обитое очень старым восточным ковром, требуют внимательного исследования, ибо завершения резных ножек, изготовленных из очень твердого дерева, по форме совершенно повторяют такие же элементы сидений, изображаемых на иконах. К вогнутому сиденью прилагается круглая (диаметром 20 см) подушка с кистями. В декорациях к опере «Хованщина» отец воспроизвел такого рода табуреты. Обивка из старинной ковровой ткани и древесины могут многое подсказать в определении времени создания этого загадочного предмета.

В.А.СЕРОВ (?)
Автопортрет. 1909
Цветной офорт
с акварели
Собрание М.И.Курилко

Valentin SEROV (?)
Self-portrait. 1909
Colour etching
from the original
watercolour
Mikhail Kurilko's collection

odd pieces were cast aside. Another surprising aspect of the story was that this object, utterly unique in itself, preserved from wreck, inside its womb, three other antique objects — holy vessels, then subject to immediate destruction as were all church belongings. The magnificent, already decaying odd parts of church chandeliers perfectly fitted into the unique gauge-cum-container. Safe and sound in the barrel, the pieces valiantly sustained all the hardships on the way to Petrograd; once there, the items, seriously bent out of shape, were set right and became a notable complement to a collection of Russian interior design.

Now one of the chandeliers is held by our relatives, and another one is at the Golovanov Museum. Nikolai Golovanov was presented with the chandelier as a token of gratitude for his great conducting talent.

My father's home, appointed in Russian style, was adorned with brass lamps and chandeliers. The solid hand-

made screw fastenings, the type of cast molding itself and the special features of the forms provide a clue as to the time of origin.

The Russian collection includes two tables, which, however, were replicated many times over the course of the 19th and 20th centuries. The authenticity of both the large and the small tables is confirmed by their structural features; a major renovation revealed the specifics of all their fastenings. Besides, the proportions of dark and light wood inlays on the table tops are very elegant, in contradistinction to newer add-ons where chiseled ornamental grooves across the oak tops are uncouth, and out of proportion with the tabletops. The side-leaves, when unfolded, make the table nearly twice as large. The form of the sliders and the marks of wear and tear on them, too, indicate the origination date of these most comfortable oak tables with a richly-hued exterior, while the proportions of all its parts confirm all of the above-mentioned characteristics.

Objects originating from the West seemed to complement the Russian-style design of the Petrograd lodging which combined a workshop and a living residence. Father probably brought them from his international travels after graduation from the Academy.

One thing is clear: these items were selected first and foremost due to the artistic articulateness of their forms — as exponents of certain styles and time periods. The snug little one-shelf cabinet was singled out by father because of its very specific adornment such as a carved figurine of the god of war Mars. The turn of his torso, the posture whereby the full weight of his body is being shifted to one leg — all this bespeaks a naïve view of the traditions of antiquity expressed very originally and confidently. The walnut coating of the door and the semi-column, damaged by wood-borers and time, amounts to a long tale about things most important for an artist, such as the culture of evocative detail imbued with an awareness of the vicissitudes of time.

Look, for instance, at this traveler's trunk with its leather-upholstered lid firmly secured in place with lacy brass strips which can sustain any vagaries of the road. Its frame of thin oak planks, which are also secured with lacy steel strips, is the fixture of a carriage; placed on the footboard, this "passenger" can accommodate many objects. "He" successfully continues to serve as a container to this day, enjoying a well-deserved rest in our home.

Two armchairs, these fine 16th-century objects, are august witnesses to a strict regime of life. The armchair must have belonged to a cardinal, for the stretcher beneath the seat is adorned with a carved relief imaging a cardinal's head-dress with tassels.

The wide sweep of the armrests reminds us about the amplitude of the sitter's vestment. It appears that during the life-time of this majestic throne the upholstery was replaced more than once. Similar surviving items with original upholstery are invariably leather-lined, so in the course of renovation the armchair's seat and back-rest were upholstered with leather. Its trimmings — bronze fire-coloured golden cones as well as decorative heads of wrought iron tacks — are elegantly painted. The armchair lives and serves us thanks to its powerful frame of dense wood.

Another armchair is less majestic, more trim, so to say; it seems that it was made in Spain. Numerous recent add-ons speak of its troublesome life; El Escorial museum has similar armchairs on display. The bottoms of the legs and the carved board are not original; the renovation must have been made very long ago. The new tacks, the fabric, and the add-ons date to the 20th century. But the photo of the armchair was published in the "Sun of Russia" magazine in 1915. The picture features the artist Konstantin Makovsky,

Таким же «ароматным» в прямом и в переносном смысле этого слова примером может служить еще один раритет, привезенный из очередной поездки — это цилиндр из темного плотного дерева с резной надписью по-старославянски, которая гласит: «Мера Белозерская государева таможенная, а мерить в нее подгребло». Расшифровав трудно читаемую резную полосу шрифта, отец выяснил ее смысл. Мэру использовали для определения количества вяленого снетка. Мелкая высушенная ароматная рыбка насыпалась до краев, а остатки сгребались вон. Удивительно и то, что это само по себе уникальное произведение послужило тарой, сохранившей в своих недрах еще три старинных объекта из уничтожавшегося церковного имущества. Почти разрушающиеся дивные разрозненные части лампад-паникадил точно влезли в уникальную тару-меру. В ней они героически перенесли все трудности дороги до Петрограда, где и были собраны из полусмятых частей и стали достойным пополнением собрания предметов русского интерьера. Теперь одна из лампад хранится у наших родственников, другая — в Музее-квартире Н.Голованова как дар великому дирижеру.

Украшали домашний интерьер медные светильники и люстра. Масивные винтовые крепления ручной резки, точки, нанесенные на концах каждого рожка люстры и определяющие их местоположение на центральном стержне, сам характер отливки и особенности форм позволили расшифровать время их изготовления.

Русская коллекция Михаила Ивановича включает в себя и два стола, имеющих, правда, множество аналогов XIX—XX веков. Установить подлинность как большого, так и малого столов помогают конструктивные особенности, которые при капитальной реставрации выявили специфику крепления всех деталей. Кроме того, пропорции инкрустаций крышек черным и светлым деревом очень изящны в отличие от доделок, где протянутые по дубовой крышке пояски грубы и не согласуются с масштабом столешницы. Раскладываемые боковины увеличивают ее поверхность почти вдвое. Характер направляющих, их истертость от употребления также свидетельствуют о времени создания этих очень удобных и красивых глубоким тоном дуба столов.

Предметы западного происхождения дополняли русский интерьер петроградской мастерской-квартиры отца. Очевидно, Михаил Иванович привез их из поездки за границу после успешного окончания Академии. Отображены они были, прежде всего, по художественной ясности своих форм как «представители» определенного стиля и периода. Маленький и уютный, всего на одну полку, шкапчик попал в поле зрения Михаила Ивановича благо-

даря резной фигурке бога войны Марса. Разворот торса, опора на одну ногу свидетельствуют о довольно наивном следовании античным традициям. Однако детали, например источенная временем и жуками ореховая поверхность дверцы и полуколонн, образно повествуют о времени и характерных для него художественных представлениях.

Еще один предмет из собрания Михаила Ивановича — дорожный сундук продольного профиля с крышкой, обитой кожей. Мощно прорисованные стальные фигурные полосы крепят ее намертво; они способны вынести все дорожные превратности. Этот сундук, сделанный из тонких дубовых досок, такой «пассажир» вмещал в себя массу всяческих полезных вещей. Он успешно справляется с этой задачей и сейчас, находясь у нас дома на заслуженном покое.

Два кресла — прекрасные предметы, бытовавшие с XVI века, — торжественные свидетели строгого распорядка жизни. Одно из них, по-видимому, кардинальское, поскольку проножка под сиденьем украшена рельефной резьбой, изображающей кардинальский головной убор с кистями. Широкий разворот подлокотников предо-

пределяет масштабы облачения восседающего. За долгую жизнь этого торжественного тронного кресла его обивка неоднократно менялась. Сохранившиеся аналогичные предметы мебели такого стиля непременно обиты кожей, это учли при реставрации сиденья и спинки нашего кресла. Завершают спинку бронзовые огневого золочения шишки и фигурные шляпки кованых кнопок изысканного рисунка.

Второе кресло, менее фундаментальное и более стройное, по всей видимости, выполнено в Испании (подобные встречаются в залах Эскориала). Многочисленные поздние доделки свидетельствуют о его сложной жизни: нижняя часть ножек, резная доска — не «родные», кнопки, ткань — доделки уже XX века. Этот предмет можно увидеть в журнале «Солнце России» за 1915 год. На фото запечатлен К.Маковский, по-видимому, после смерти художника кресло попало на распродажу.

Сундук-кассоне с хищными лапами, кариатидами и «хороводом» резьбы — неотъемлемая часть итальянского быта XV—XVI веков. Все эти удивительно стройные и породистые вещи вдохновляют и дают ощущение духа времени, характера той жизни.

Из процесса собирания совершенно особого свойства я приведу только два примера. Возникший особый интерес

А.А.РЫЛОВ
Портрет
М.И.Курилко. 1921
Бумага, карандаш
Собрание М.И.Курилко

Arkady RYLOV
Portrait of
Mikhail Ivanovich
Kurilko. 1921
Pencil on paper
Mikhail Kurilko's collection

Пресс для столового белья. XVIII в. (?) Голландия
Собрание М.И.Курилко

Press for table linen, 18th century (?) Netherlands
Mikhail Kurilko's collection

Шкапик с резной дверкой. XVI в. (?) Италия
Собрание М.И.Курилко

A small cupboard with a carved door 16th century (?) Italy
Mikhail Kurilko's collection

which suggests that after his death the armchair went up for sale, and was bought by Mikhail Kurilko at approximately the same period.

The typical Italian chest-“cassone”, with its proportions, menacing paws, caryatids and a roundelay of carving, witnessed many a household scene in Italy in the 15th-16th centuries.

All these astonishingly graceful and high-bred objects lift the spirits and convey the sense of time and the tenor of that life.

During his life as a gatherer of art objects, my father had very diverse experiences, and I will recount here only two episodes. An enthusiasm for old Russian icons that was sparked in the early 20th century could not leave my father unaffected. But this is a distinct and complicated story to tell – I will tell only two typical episodes, and spare the rest for another article.

During one of his trips Mikhail Kurilko saw an 18th-century church, started to ask local old-timers about it and learned that in the old days the site had been occupied by a very fine, albeit small, church building, which fell into decay.

Father tried to find out where the church accessories had gone, but to no avail. The new church was good-looking and had an air of wealth about it, but there was not a single trace of the old church. However, there were several old dark log buildings thereabout, piquing my father's interest. After very careful questioning and bold raids into one such huge vacant log home with darkened walls (it had once housed a school), my father, with great difficulty, searched its loft. At the very bottom of a pile of rubbish he discovered two very small decorative boards. On their obverse, under a dark layer of oil varnish and mud, the boards had barely visible traces of paints.

The value and impressive history of this find made my father donate this precious icon to a church in Tsarskoe Selo designed in an old Russian style by the architect Vladimir Pokrovsky.

Professor Alexander Krylov, an excellent teacher at the head of the church painting workshop at the Repin Institute, knows well about my father's contribution to the design of this royal residence. The tragic upheavals of this town during war-time are well-known. This truly unique object was destroyed by war alongside everything else.

The mystery of an icon devoted to Archangel Michael, still unsolved, tells a great deal about father's skills in addressing the complicated task of identifying the time of origin and the style of individual artefacts.

This icon, which my father could not even dream of owning, belonged before the Bolshevik revolution to a very rich gatherer who was greatly proud of it (his own considerable bulk seemed to highlight the size of his capital).

The Bolshevik revolution and the numerous ensuing tribulations dispersed the once closely-knit community of people with similar interests and aspirations. Different, earthlier concerns overwhelmed them. The same happened to the owner of the icon loved and hopelessly coveted by my father. Much later he ran into that fortunate and wealthy noble – an “oligarch”, as they say today. Father barely recognized him; the clothes hanging loose on his appreciably thinner frame, his face reflected absolutely every tinge of his inner pain. “All is lost,” gasped the erstwhile giant. “You were so eager to have this rarest of the rarities, so go ahead, take it as a keepsake to remind you about me.” The icon's upper rim, heavily renovated, carried the remains of an inscription: “Church of Archangel Michael and re...”. The bottom rim was likewise destroyed and then reconstructed. But the image itself is in excellent condition, with very fine cracks and very thin paint with white spaces, serene red and serene blue. The emblematic representations of the saints' visages and figures are largely similar to the well known artefacts from that honourable era. May I repeat again that while there is no modern research, the legend persists.

According to father's words, many of the objects brought from his trips to provincial Russian cities or found at the Alexandrovsky market in St. Petersburg, and now dispersed among its new owners, once formed solid ensembles of interior décor. Embracing the informal dignified tradition of fitting together, in the design of an interior, most favoured and inspirational curiosities, father told me stories about his home at 15 Karpovka and enthusiastically reminisced about how this or that object was acquired. Arranged within a single space, these things formed a homely and vibrant living environment.

Father did not have a studio, so the proximity of all these wonderful objects invigorated and kept him in a working mood. The vivacious big flowers on a rug from Kursk, cross-stitched patterns on lambrequins over the doors and on an old screen served as an energizer keeping off dull routine. The austere and finely tuned beauty of the interior décor in old Russian style, on the contrary, disciplined and deterred you from spontaneous and ill-considered decisions. Father had a way of very touchingly complaining about his provincial roots and the difficulty of overcoming their influence. Living among the superbly crafted objects and checking himself against the beauty of their neat aristocratic shapes, he became noble and beautiful himself.

His sensitivity to the style and soul of an object is unmatched. These notes for me are a way to recall him, to say that, in gathering rarities, he did not simply enjoy them but could fathom their souls.

Стул и стол
Конец XVII –
начало XVIII
Россия
Собрание М.И.Курилко

Table and chair
End 17th – early 18th
century
Russia
Mikhail Kurilko's collection

к древнерусской иконе не мог не затронуть Михаила Ивановича. В одной из поездок, увидев церковь XVIII века, он стал расспрашивать старожилов и узнал, что раньше здесь был дивной красоты старый храм, да весь уж пришел в ветхость, к тому же был очень мал. Дальнейшие расспросы о том, куда делась вся прежняя церковная утварь и иконы, конечно, ни к чему не привели. Новый храм сверкал благолепием, в котором не осталось ни следа старины. Но некоторые окружающие постройки из потемневшего дерева навели на мысль.

После смелого вторжения в один такой огромный пустой дом (где когда-то давно была школа) и очень внимательного его осмотра с трудом удалось обследовать чердак. Среди хлама обнаружили две фигурные доски очень малого размера. На лицевой стороне под слоем потемневшей олифы и грязи удалось разглядеть древние красочные слои.

Ценность находки и ее происхождение побудили отца передать эту икону в Феодоровский Государев Собор, построенный в Царском Селе по проекту архитектора В.Покровского. Об участии Курилко в проектировании этого царского подворья хорошо знает профессор А.К.Крылов, возглавляющий мастерскую церковной живописи в Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е.Репина. Дальнейшая трагическая судьба Федоровского городка известна.

В пожаре войны бесследно исчезла и поистине уникальная находка отца.

О понимании Михаилом Ивановичем всех сложностей определения датировки и стиля памятников искусства может рассказать так и не раскрытая до сего дня загадка иконы, посвященной архистратигу Михаилу. Этот образ, иметь который отец и не мечтал, принадлежал до революции очень богатому собирателю, чрезвычайно гордившемуся своим приобретением (его огромная фигура словно соответствовала масштабу нажитых им капиталов). Разразившаяся революция, все ее хитросплетения раскололи когда-то единое по интересам и мечтаньям сообщество любителей искусства. Иные, земные заботы овладели людьми. Так произошло и с владельцем иконы, о которой помнил мой отец. Спустя много лет ему встретился тот некогда счастливый, знатный и очень состоятельный «олигарх», как называли бы его в наши дни. Отец с трудом узнал этого человека: широченная одежда моталась на изрядно похудевшей фигуре, на лице отразились невыносимые душевные переживания. «Все, все пропало, – выдавил со вздохом бывший гигант, – мечтали об этой редчайшей знаменитости, ну и забирайте ее на здоровье с памятью обо мне». Верхний край иконы, подвергшийся реставрации, сохранил остатки надписи: «Собор архангела Михаила и пре...», низ был разрушен и реконструирован. Однако сам образ с мелким кракелюром и очень тонким красочным

слоем с пробелами, спокойными красным и синим цветами – в прекрасной сохранности. Условность в изображении ликов и фигур очень напоминает известные древние памятники.

Многие вещи, привезенные из путешествий по провинции, найденные на Александровском рынке в Петербурге, а ныне рассеянные по новым местам своего пребывания, образовали, по словам отца, цельные по стилю интерьеры. Он рассказывал о своем доме на Кarpovke, 15 и увлеченно вспоминал эпизоды обретения тех или иных раритетов, которые формировали уютную среду обитания. Такое значительное соседство служило для Михаила Ивановича источником вдохновения. Звонкие крупные цветы на курском ковре, вышивки крестом на дверных ламбрекенах и старинной ширме были своего рода допингом, не позволяя власти в однообразную сухость. Русский старинный интерьер своей строгой выверенной красотой, напротив, дисциплинировал и удерживал от вольных и необдуманных решений.

Отец всегда очень трогательно объяснял свое провинциальное происхождение и жаловался на то, как ему трудно было изживать этот провинциализм. Находясь среди великолепно исполненных предметов, сверяясь с красотой их строгих аристократических форм, он сам становился строже и красивее. Михаил Иванович умел не только радоваться старинным вещам, но и разглядеть их душу.